

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ КИЕВСКИХ БОГАТЫРЕЙ

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Да старóй казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Он сидел ли тридцать лет на седалище,
Он не имел-то да ни рук, ни ног.
Да пришло к нѣму два старца незнакомые,
Проговорит ему старец да единó слово:
«Ай же Илей, восстань ты на свои резвы ноги,
Дай-ка пива выпити яндому́».
Илей говорит-то старцу таково слово:
«Не имею я да ведь ни рук, ни ног,
Сижу тридцать лет на седалище».
Говорил старый старец единó слово:
«Ай же Илей, восстань ты на свои резвы ноги,
Иди ты, Илей, к водоносу ты,
Налей пива яндому,
Принеси ты яндому пítия».
Выстал Илей на свои резвы ноги,
Пришел Илей к водоносу,
Яндому захватил пítия с водоносу,
Приносил-то старцу единому.
Старец говорит ему да й таково слово:
«Да пей-ка ты, Илей, да сам яндому».
Выпил Илья пítия яндому,
Почувствовал в себе силу да великую,

Говорил старец-то друго слово:
«Ай же Илей, дай же мне пива выпить яндому».
Он пошел по мóсту по дубовому,
Закричали балки под мостом белодубовым,
Загнулись-то тут мосты калиновы.
Зачерпнул пития Илей с водоносу,
Приносил старцу яндому́ питья,
Старец говорил ему да й таково слово:
«Да пей-ка ты, Илей, да сам яндому».
И выпил Илей другу яндому,
Услышал Илей в себе силу великую,
Проговорит тут старец еще единó слово:
«Ай же ты Илей, дай-ка выпить яндому пития».
Он как выпил, Илей, пива-то яндому,
Он почувал в себе, Илей, силу да великую.
Говорил другой старец таково слово:
«Ай же ты Илей, налей-ка мне пива яндому».
Наливает Илей пива с водоносу,
А приносит старцу-то другому,
Проговорил ли старец таково слово:
«Если приказать тебе третье пить яндому,
Не удержать тебе силы великоя,
Не удержать тебе силы богатырския».
Выпил-то старец ведь сам яндому,
И проговорил старец да таково слово:
«Ай же ты Илей, да ты справишься-тко да ко городу,
Ко городу да ты ко Киеву,
Ко солнышку князю да ко Владимиру.
И выйдешь из своего ты посéлия,
Тутко о путь камень есть неподвижня,
На камени да подпись есть подписана».
И ходит Илей покоём белодубовым,
Да тым ли мостом калиновым.
Пришли ёго родители да рожденные,

Пришли оны со работы со крестьянской,
Пришли ёго братия да родимые,
Да пришли ёго сестры да любимые.
Обрадовались его рожденные да родители,
И с радости родители опечалились:
Тридцать лет сидел на седалище,
Не имел-то он ни рук-то да ни ног.
Говорит Илей своим рожденным родителям,
Говорит Илей да таково слово:
«Ай же вы мои родители рожденные!
Где вы были на крестьянской на работушке?»
Ай же отвечали его рожденные родители:
«Слава тебе господи, тридцать лет сидел Илей
да на седалище,
Не имел Илей ведь ни рук, ни ног».
Спросил у рожденных родителей:
«Ай же вы мои рожденные родители!
Где вы работали крестьянскую работушку?»
Говорил ему родитель да рожденные:
«Ай же ты Илей, мы работаем луг и пожню,
Чистим луг, пожню за три поприща ѓт дому».
— «Ай же ты родитель мой рожденья!
Сведи меня туда да на займище,
Укажите вы мне мою работушку».
Привел его родитель да на займище.
«Укажи мне, родитель, по которых мест межа».
Захватил Илейко лесу кусту в пясть,
Отрубил лесы дремучие по кѳрешку,
Бросил на место на пристойное,
Говорил родителю да таково слово:
«Ай же ты мой-то родитель рожденья!
Полно ли тебе луг, пожню чистить,
Простите меня с рожденного со места».
Отправлялся Илей к стольному городу ко Киеву,

Пришел к тому камени неподвижному,
На камени была подпись да подписана:
«Илей, Илей, камень сопри с места

неподвижного, —

Там есть конь богатырский тебе,
Со всеми-то поспехамы да богатырскими;
Там есть-то шуба соболиная,
Там есть-то плеточка шелковая,
Там есть-то палица булатная».
Проговорил Илей да таково слово:
«Ай же ты конь богатырской!
Служи-тко ты верою-правдою мне».
Конь-то проговóрил Илею таково слово:
«Ай же ты Илей, старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!
Ты мо'шь ли владать конем богатырским?»
Он садился, старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
На этого коня на богатырского,
А со этыма поспехамы богатырскими,
Садился тот старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович.
Проговóрил конь голосом человечьим:
«Ай же старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!
Знай ты мною управлять,
Дал тебе Господь коня да богатырского,
Послал Господь ангелов милосливых
На твое рожденое на место,
Дал тебе Господь руце, нозе.
Не написано теби, старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Не писана тебе смерть на убоищи».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР

Как не дáлече-далéче во чистом во поли́,
Тута куревка да поднималася,
А там пыль столбом да поднималася, —
Оказался во поли добрый молодец,
Русский могучий Святогор-богатырь.
У Святогора конь да будто лютой зверь,
А богатырь сидел да во косу сажень,
Он едет в поли, спотешается —
Он бросает палицу булатную
Выше лесушку стоячего,
Ниже облаку да ходячего,
Улетает эта палица
Высоко да по поднебесью;
Когда палица да вниз спускается,
Он подхватывает да одной рукой.

Наеждает Святогор-богатырь
Во чистом поли он на сумочку да скоморошную,
Он с добра коня да не спускается,
Хотел поднять погонялкой эту сумочку —
Эта сумочка да не ворохнется.
Опустился Святогор да со добра коня,
Он берет сумочку да одной рукой —
Эта сумочка да не сшевелится;
Как берет он обема рукам,
Принатужился он силой богатырской,
По колен ушел да в мать сыру землю, —
Эта сумочка да не сшевелится,
Не сшевелится да не поднимется.
Говорит Святогор да он про себя:
«А много я по свету ездывал,
А такого чуда я не видывал,

Что маленькая сумочка да не шевелится,
Не шевелится да не здымается,
Богатырской силы не сдавается».
Говорит Святогор да таковы слова:
«Верно, тут мне, Святогору, да и смерть пришла».
И взмолился он да своему коню:
«Уж ты верный богатырский конь!
Выручай теперь хозяина».
Как схватился он да за уздечку серебряну,
Он за ту подпругу золочёную,
За то стремечко да за серебряно, —
Богатырский конь да принатужился,
А повыдернул он Святогора из сырой земли.

Тут садился Святогор да на добра коня
И поехал во чисту поля
Он ко тым горам да Араратским.
Утомился Святогор да он умаялся
С этой сумочкой да скоморошной,
И уснул он на добром коне,
Заснул он крепким богатырским сном.
Из-под далеча-далеча из чиста поля
Выезжал старой казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Увидал Святогора он богатыря:
«Что за чудо вижу во чистом поли,
Что богатырь едет на добром кони,
Под богатырем-то конь да будто лютый зверь,
А богатырь спит крепко-накрепко».
Как скрычал Илья да зычным голосом:
«Ох ты гой еси, удалой добрый молодец!
Ты что, молодец, да издеваешься,
А ты спишь ли, богатырь, аль притворяешься,
Не ко мне ли, старому, да подбираешься?»

А на это я могу ответ держать». —
От богатыря да тут ответу нет.
А вскричал Илья да пуще прежнего,
Пуще прежнего да зычным голосом, —
От богатыря да тут ответа нет.
Разгорелось сердце богатырское
А у старого казака Ильи Муромца,
Как берет он палицу булатную,
Ударяет он богатыря да по белым грудям, —
А богатырь спит, не просыпается.
Рассердился тут да Илья Муромец,
Разъезжается он во чисто поле,
А с разъезду ударяет он богатыря
Пуще прежнего он палицей булатнею, —
Богатырь спит, не просыпается.
Рассердился тут старóй казак да Илья Муромец,
А берет он шалапугу подорожную,
А не малу шалапугу — да во сорок пуд,
Разъезжается он со чиста поля,
И ударил он богатыря по белым грудям, —
И отшиб он себе да руку правую.
Тут богатырь на кони да просыпается,
Говорит богатырь таково слово:
«Ох, как больно русски мухи кусаются».
Поглядел богатырь в руку правую,
Увидал тут Илью Муромца,
Он берет Илью да за желты́ кудри,
Положил Илью да он к себе в карман,
Илью с лошадью да богатырскойей,
И поехал он да по святым горам,
По святым горам да Араратским.
Как день он едет до вечера,
Тёмну ноченьку да он дó утра,
И второй он день едет до вечера,

Тёмну ноченьку он до утра,
Как на третей-то да на денёчек
Богатырский конь стал спотыкаться.
Говорит Святогор да коню доброму:
«Ах ты волчья сыть да травяной мешок!
Уж ты что, собака, спотыкаешься,
Ты идти не мошь аль везти не хошь?»
Говорит тут верный богатырский конь
Человеческим да он голосом:
«Как прости-тко ты меня, хозяинушко,
А позволь-ка мни да слово вымолвить:
Третьи суточки да ног не складучи
Я вожу двух русских могучиих богатырей,
Да й в третьих с конём богатырским».
Тут Святогор-богатырь да опомнился,
Что у него в кармане тяжелёшенько, —
Он берет Илью да за желты кудри,
Он кладет Илью да на сыру землю
Как с конем его да богатырским,
Начал спрашивать, да он выведывать:
«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли, да ты какой орды?
Если ты богатырь святорусский,
Дак поедем мы да во чисто поле,
Попробуем мы силу богатырскую».
Говорит Илья да таковы слова:
«Ай же ты удалой добрый молодец!
Я вижу силушку твою великую,
Не хочу я с тобой сражаться,
Я желаю с тобой побрататься».
Святогор-богатырь соглашается,
Со добра коня да опускается,
И раскинули оне тут бел шатёр,
А коней спустили во луга зеленые,

Во зеленые луга оне стреножили.
Сошли они оба во белóй шатёр,
Они друг другу порассказалися,
Золотыми крестами поменялися,
Они с друг другом да побраталися,
Обнялись они, поцеловалися:
Святогор-богатырь да будет больший брат,
Илья Муромец да будет меньший брат;
Хлеба-соли тут они откушали,
Белой лебеди порушали
И легли в шатёр да опочив держать.
И недолго-немало спали — трое сутокек,
На четверты оне да просыпалися,
В путь-дороженьку да отправлялися.

Как седлали оне да коней добрых,
И поехали оне да не в чисто поле,
А поехали оне да по святым горам,
По святым горам да Араратским.
Прискакали на гору Елеонскую,
Как увидели оне да чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное:
На горы на Елеонския
Как стоит тута да дубовый гроб;
Как богатыри с коней спустилися,
Оне ко гробу к этому да наклонилися,
Говорит Святогор да таковы слова:
«А кому в этом гробе лежать сужено?
Ты послушай-ка, мой меньший брат, —
Ты ложись-ка во гроб да померяйся,
Тебе ладен ли да тот дубовый гроб».
Илья Муромец да тут послушался
Своего ли братца большего,
Он ложился, Илья, да в тот дубовый гроб, —

Этот гроб Ильи да не поладился,
Он в длину длинён и в ширину широк.
И ставал Илья да с того гроба,
А ложился в гроб да Святогор-богатырь, —
Святогору гроб да поладился,
В длину по меры и в ширину как раз.
Говорит Святогор да Ильи Муромцу:
«Ай же ты Илья да мой меньший брат!
Ты покрой-ка крышечку дубовую,
Полежу в гробу я, полюбуюся».
Как закрыл Илья крышечку дубовую,
Говорит Святогор таковы слова:
«Ай же ты Ильюшенька да Муромец!
Мни в гробу лежать да тяжёлешенько,
Мни дышать-то нечем да тошнёшенько.
Ты открой-ка крышечку дубовую,
Ты подай-ка мне да свежа воздуху».
Как крышечка не поднимается,
Даже щилочка не открывається.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ты разбей-ка крышечку саблей вострую».
Илья Святогора послушался,
Берет он саблю вострую,
Ударяет по гробу дубовому, —
А куда ударит Илья Муромец,
Тут становятся обручи железные.
Начал бить Илья да вдоль и поперек, —
Всё железные обручи становятся.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ах ты меньший брат да Илья Муромец!
Видно, тут мни, богатырю, кончинушка,
Ты схорони меня да во сыру землю,
Ты бери-тко моего коня да богатырского,
Наклонись-ка ты ко гробу ко дубовому, —

Я здохну тебе да в личко белое,
У тя силушки да поприбавится».
Говорит Илья да таковы слова:
«У меня головушка есь с проседью,
Мни твоей-то силушки не надобно,
А мне своей-то силушки достаточно:
Если силушки у меня да прибавится,
Меня не будет носить да мать сыра земля;
И не наб мне твоего коня да богатырского, —
А мни-ка служит верой-правдою
Мни старой бурушка косматенький».
Тута братица да распростилися,
Святогор остался лежать да во сырой земли,
А Илья Муромец поехал по святой Руси
Ко тому ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру.

Рассказал он чудо чудное,
Как схоронил он Святогора да богатыря
На той горы на Елеонский.
Да тут Святогору и славу поют,
А Ильи Муромцу да хвалу дают.
А на том былинка и закончилась.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли города из Муромля,
Из того ль села да Карочирова
Выезжал дуродный добрый молодец,
А ведь старый казак Илья Муромец.
Он заутреню тую христовскую
А стоял во граде во Муромле

И хотел попасть к обедне
В стольно-Киев-град.
Брал у батюшки, у матушки прощеньице,
А прощеньице, благословленьице,
Кладовал он заповедь великую:
Не съезжаться, не слетаться во чистом полі
И не делать бою-драки, кроволития.
Так тут старый казак Илья Муромец
Заседлал тут своего добра коня,
А он малого бурушку косматого,
Выезжал в раздольице чисто поле.
Его путь-дорожка призамешкала,
Он не мог попасть ко городу ко Киеву,
А попал ко городу Чернигову.
Усмотрел под городом Черниговым
Нагнанó там силушки черным-черно́,
А черным-черно как черна́ ворона́, —
Хочут черных мужичков да всех повырубить,
Хочут церкви Божии на дым спустить.
Разгорелось сердце у богатыря,
А у старого каза́ка Ильи Муромца,
Наруши́л он заповедь великую,
Просил себе да Бога на́ помочь,
Да пречисту пресвятую Богородицу,
Припускал коня на рать-силу великую,
Стал он силу с крайчика потаптывать,
Конем топтать да из лука́ стрелять,
Стал рубать их сабле́й вострою,
Своим копьём да муржемецкиим,
Притоптал он силу-рать великую.
Подъезжал ко городу Чернигову,
Отворялися ворота во Чернигов-град,
Выходят мужички черниговски
Да низко ему поклоняются:

«Ай же ты дородный добрый молодец!
А иди-ка ты ко мне да воеводою,
Воеводою да во Чернигов-град».
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же вы мўжички-черниговцы!
Не пойду я к вам да воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в Киев-град».
Говорят ему мужички-черниговцы:
«Прямоезжая дорога заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
Замуравела дорожка ровно тридцать лет.
Как у той ли реченьки Смородинки,
Как у той ли грязи, грязи черные,
Как у той ли берёзыньки покляпоей,
У того креста Леонидова
Сидит Соловей-разбойничек Дихмантьев сын
На семи дубах в девяти суках.
Как засвищит Соловей по-соловьиному,
Закричит, собака, по-звериному,
Зашипит, проклятый, по-змеиному,
Так все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоремы цветочки отсыпаются,
А что есть людей вблизи — все мертвы лежат.
Прямоезжей дорожкой есть пятьсот всех верст,
А окольную дорожкой-то всех тысяча».
Так тут старый казак Илья Муромец
Повернул коня богатырского
И поехал по раздольицу чисту полю,
По той ли дорожке прямоезжей.
Подъезжал ко реченьке Смородинке,
Ко той ли грязи, грязи черной,
Ко той ли берёзыньке покляпоей,
Ко тому кресту Леонидову.

Как завидел его Соловей-разбойничек,
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Закричал, собака, по-звериному,
Зашипел, проклятый, по-змеиному, —
Как все травушки-муравы уплетались,
Все лазоревы цветочки осыпалися,
Мелки лесушки к земле да приклонялися,
А что есть людей вблизи — так все мертвы лежат.
А у старого казака Илья Муромца
А конь на корзни́ спотыкается.
Так тут старый казак Илья Муромец
Говорит коню да таковы слова:
«Ах ты волчья сыть, травяной мешок!
Ты везти не мошь и идти не хошь.
Не слышал, что ль, посвисту соловьего,
Не слышал, что ль, покрику звериного,
Не слышал, что ль, пошипу змеиного?»
Сам берет он в руки плеточку шелковую,
А он бил коня по тучным бедрам,
Другой раз он бил меж ноги задняя,
Третий раз он бил коня между ушей,
А удары давал всё тяжелые.
Отстегнул свой тугий лук разрывчатый,
Натянул тетивочку шелковую,
Наложил стрелочку каленую,
А он сам стрелке приговаривал:
«Ты просвистни, моя стрелочка каленая,
Попади ты в Соловья-разбойничка».
Сам спустил тетивочку шелковую
Во тую ль стрелочку каленую, —
Тут просвистнула стрелочка каленая,
Попала в Соловья-разбойника,
Попала в Соловья да во левой висок,
Сбила Соловья да на сыру землю,

На сыру землю да во ковыль-траву.
Как тут старый казак да Илья Муромец
Подъезжал он к Соловью близёшенько,
Захватил он Соловья да за желты́ кудри́,
Сковал он Соловью да ручки белые,
Сковал он Соловью да ножки резвые,
Привязал ко стремечку булатному,
Сам поехал дорожкой прямоезжей,
Прямоезжей — в стольно-Киев-град.
Тут случилось старому казáку Ильи Муромцу
Ехать мимо Соловьина гнёздушка.
У того Соловья-разбойничка
А былó три дочери любимые.
Посмотрела в окошечко тут старша дочь,
Говорит она да таковы слова:
«Наш-то батюшка сидит да на добром кони,
А везет да мужика да деревенщину,
У правого у стремечка приковано».
Посмотрела в окошечко тут средня дочь,
Говорит она да таковы слова:
«Наш-то батюшка сидит да на добром кони,
А везет да мужика да деревенщину,
У правого у стремечка приковано».
Посмотрела тут в окошечко младша дочь,
Говорила она да таковы слова:
«Ай сестрёнушки мои родимые!
А ведь окушком вы есть тупёшеньки,
Умом-разумом вы есть глупёшеньки, —
А сидит мужик да деревенщина,
А сидит мужик да на добром коне,
Наш-то батюшка на стремени приковано».
— «Ай же мýжевя наши любимые!
А берите-ка рогатины звериные,
А бегите-тка в раздольице чисто́ полé

И убейте-тка мужика да деревенщину». Эти мужевья любимые
Берут рогатинки звериные,
Скоро-наскоро бежат да во чисто полё,
Чтоб убить им мужика да деревенщину.
Как завидел их да Соловей-разбойничек,
Скричал да Соловей да громким голосом:
«Ай же зятевьѣ мои любимые!
А бросайте-ка рогатинки звериные,
Подбегайте к добру молодцу близёшенько,
Берите-тка за рученьки за белые,
За его за перстни золочёные,
Ведите-тка в Сóловье гнёздышко,
Кормите его ествушкой сахáрнией,
Поите его питьицем медвяным
И дарите ему дáры драгоценные». Эти зятевьѣ ль любимые
Побросали рогатинки звериные,
Подбегают к добру молодцу близёшенько,
Хочут брать его за рученьки за белые,
За его за перстни за злачёные.
Как тут старый казак Илья Муромец
А он выдернул свою саблю острую,
Отрубил он им да буйны головы,
Половину он роет сербѣм волкам,
А в другую половину чѣрным воронам,
Сам поехал дорожкой прямоезжеей,
Прямоезжеей — во стольно-Киев-град.
Приезжал ко князю на широкий двор,
Сходил с коня на матушку сыру землю,
Сам идет в палаты белокаменны,
На пятау он дверь да поразмахивал,
А он крест кладет да по-писáному,
А поклон кладет да по-ученому,

На четыре на сторонушки поклоняется,
А князю Владимиру в особину,
А его всем князьям да подколенным:
«Здравствуй, князь Владимир стольно-киевский!
Я приехал из города из Муромля
Послужить тебе верой-правдою.
Защищать я буду церкви Божии,
Защищать я веру христианскую,
Защищать буду тебя, князя Владимира,
Со своей Апраксей-королевичной».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ты откудашний дородный добрый молодец,
Ты с какой земли, да из какой орды,
Ты какого отца да есть матери?
По имечки тебе можно место дать,
По отечеству тебя пожаловать».
А ведь князь Владимир стольно-киевский
Только что пришел из церкви Божией,
От той ли от поздней обеденки.
Сидят за столичном дубовым
На тех ли скамеечках окольных,
Едят ествушки сахарные,
Пьют пítьица медвяные.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты дородный добрый молодец,
Старый ты казак да Илья Муромец!
Ты какой дорожкой ехал в стольно-Киев-град,
Прямоезжей али окольной?»
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ехал я дорожкой прямоезжей,
Прямоезжей — во стольно-Киев-град».
Говорит князь Владимир стольно-киевский:
«Во глазах, мужик, ты надсмеаешься,
Хочешь ты пустым похвастаться, —

Где тебе проехать дорожкой прямоезжей,
Прямоезжей — во стольно-Киев-град!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела да замуравела,
Замуравела да ровно тридцать лет.
Как у той ли реченьки Смородинки,
Как у той ли грязи, грязи черной,
Как у той ли берёзыньки покляповой,
У того креста Леонидова
Сидит Соловей-разбойничек Дихмантьев сын.
Как засвищет Соловей по-соловьиному,
Закричит, проклятый, по-звериному,
Зашипит, проклятый, по-змеиному, —
Так все травушки-муравушки уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Мелки лесушки к земле да преклоняются,
А что есть людей — так все мертвы лежат».
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же князь Владимир стольно-киевский!
А теперь Соловей-разбойничек на твоём дворе,
На твоём дворе, да на моём коне
У правого стремечка приковано».
Так тут князь Владимир стольно-киевский
Со всеми князьями подколанными
Пошли на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойничка.
Так тут князь Владимир стольно-киевский
Одел шубку на одно плечо,
Одел шапочку соболью на одно ушко,
Поскорёшеньку выходит на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойничка.
Увидали Соловья-разбойничка,
Ужахнулись ихние сердечушка.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:

«Ай же Соловей-разбойничек Дихмантьев сын!
Засвищи-тка, Соловей, да по-соловьиному,
Закричи, собака, по-звериному,
Зашипи, проклятый, по-змеиному».
Говорит тут Соловей-разбойничек:
«Ай же князь Владимир стольно-киевский!
Не у тя сегодня ел и пил,
Не тя сегодня я хочу послушаться, —
Ел и пил я у казáка Ильи Муромца,
Его буду я и слушати».
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же Соловей-разбойничек Дихмантьев сын!
Засвищи-тка, Соловей, на полсвистá,
Засвищи-тка, Соловей, на полкрикá,
Зашипи-тка, Соловей, на полшипа».
Говорит тут Соловей-разбойничек:
«Ай же ты старый казак Илья Муромец!
Запечатались мои кровавы ранушки
От того-то удара от тяжелого.
Ты налей-ка мне чару зелена вина,
Не малую стопу — в полтора ведра,
Разведи медами всё стоялыми,
Поднеси-тка мне, да Соловью-разбойничку».
Так тут старый казак Илья Муромец
Налил ему чару зелена вина,
Не малую стопу — в полтора ведра,
Поднес он Соловью-разбойничку,
Как тут выпил Соловей-разбойничек
Эту ль чару зелена вина,
Почуял скорую кончинушку,
Засвистел Соловей во полный свист,
Закричал, собака, во полный крик,
Зашипел, проклятый, во полный шип.
Так тут все травушки-муравушки уплетаются,

Все лазоревы цветочки осыпаются,
Малы лесушки к земле да преклоняются,
А что есть людей вблизи — все мертвы лежат.
А из тех ли теремов высоких
Все хрустальные стекóлышки посыпались,
А Владимир-князь да стольно-киевский
А он по двору да в кружки бегаёт,
Куньей шубкой да укрывается.
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай же Соловей-разбойничек Дихмантьев сын!
Что же ты мóего наказа на послушался?
Я тебе велел свистеть во полсвиста,
Закричать во полкрика,
Зашипеть во полшипа».
Говорит тут Соловей-разбойничек:
«Ай же старый казак Илья Муромец!
Чую я свою скорую кончинушку, —
Оттого кричал я во полный крик,
Оттого я шипел во полный шип».
Как тут старый казак Илья Муромец
Расковал он Соловья да ножки резвые,
Ножки резвые да ручки белые,
Захватил его за рученьки за белые,
Захватил его за перстни золочёные
И повел его на поле на Куликово.
Приводил на поле на Куликово,
Положил на плаху на дубовую,
Отрубил он Соловью да буйну голову.
Половину роет-от серым волкам,
А вторую половину чёрным воронам.

С той поры ли стало времечко —
Не стало Соловья-разбойничка
На матушке святой Руси.
Да тем былиночка покончена.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ КИЕВСКИХ БОГАТЫРЕЙ

Исцеление Ильи Муромца	5
Илья Муромец и Святогор	9
Илья Муромец и Соловей-разбойник	15
Три поездки Ильи Муромца	25
Илья Муромец и Идолище	30
Алеша Попович и Тугарин	34
Добрыня и Змей	40
Добрыня и Маринка	50
Вольх Всеславьевич	54
Вольга	60
Вольга и Микула	66

БОГАТЫРСКИЕ СРАЖЕНИЯ

Бунт Ильи Муромца против князя Владимира	73
Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром	75
Илья Муромец и Калин-царь	79
Илья Муромец, Ермак и Калин-царь	98
Камское побоище	104
Василий Игнатьевич и Батыга	113
Васька Пьяница и Кудреванко-царь	119
Михайло Данилович	126
Василий Казимирович и Добрыня	138
Наезд литовцев	145
Сухман	153
Илья Муромец с богатырями на Соколе-корабле ...	159

Илья Муромец и сын	161
Бой Добрыни с Илей Муромцем	172
Константин Саулович	177
Михайло Козарин	187
Королевичи из Крякова	194

БЫЛИННОЕ СВАТОВСТВО

Дунай Иванович	200
Иван Годинович	211
Михайло Потык	217
Хотен Блудович	231
Соловей Будимирович	240
Идолице сватает племянницу князя Владимира	248
Добрыня Никитич, его жена и Алеша Попович	252
Данила Ловчанин	272
Царь Соломан и Василий Окулович	279
Чурила и Катерина	287

НОВГОРОДСКИЕ ГЕРОИ

Садко	293
Садко — богатой гость	313
Василий Буслаев и новгородцы	319
Василий Буслаев молиться ездил	327
Смерть Василя Буслаева	336

СОСТЯЗАНИЯ БЫЛИННЫХ ГЕРОЕВ

Глеб Володьевич и Маринка Кайдаловна	345
Чурила Пленкович	351
Дюк Степанович	359
Иван Гостиный сын	376
Ставер Годинович	386
Сорок калик	398
Вавило и скоморохи	405